

ЦЕРКОВЬ СПАСА на НЕРЕДИЦЕ: от ВИЗАНТИИ к РУСИ

К 800-летию памятника

Российская академия наук
Институт востоковедения
Отдел сравнительного культуроведения
Кабинет византистики
Институт христианской культуры средневековья

ЦЕРКОВЬ СПАСА на НЕРЕДИЦЕ: от ВИЗАНТИИ к РУСИ

К 800-летию памятника

МОСКВА «ИНДРИК» 2005

УДК 72
ББК 85.11
Ц 44

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (проект № 03-04-16054д)*

Редакционная коллегия:

*Г. И. Вздорнов, Н. В. Пивоварова, В. Д. Сарабьянов, Вл. В. Седов
О. Е. Этингоф (ответственный редактор)*

Церковь Спаса на Нередице: От Византии к Руси. К 800-летию памятника / Отв. ред. О. Е. Этингоф. — М.: «Индрик», 2005. — 328 с.; ил.

ISBN 5-85759-301-8

Настоящий сборник — попытка комплексного исследования силами археологов, историков, реставраторов, искусствоведов и филологов Спасо-Преображенской церкви на Нередице, построенной и расписанной в 1198—1199 гг. Авторы пытаются оценить это выдающееся явление и его значение в контексте культуры всего греко-славянского мира периода около 1200 г. В книге приняли участие специалисты Москвы, Санкт-Петербурга, Новгорода. Сборник делится на три части. В первую часть включены исследования, касающиеся истории храма и монастыря, архитектуры, убранства церкви и ее росписи, а также проблемы новгородской мастерской художника Олисея Гречина. Второй раздел посвящен истории реставрации памятника. Третья часть объединяет публикации архивных документов и неизвестных материалов.

Книга предназначена для специалистов по традиционной русской культуре, а также для широкого круга лиц, интересующихся проблемами истории русской культуры.

ISBN 5-85759-301-8

© Коллектив авторов, 2005
© Издательство «Индрик», 2005

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора.....	6
-------------------	---

Исследования

<i>Гиппиус А. А.</i> Князь Ярослав Владимирович и новгородское общество конца XII в.....	11
<i>Ядрышников В. А.</i> Страницы истории Спасо-Нередицкого монастыря.....	26
<i>Булкин В. А.</i> Спасо-Преображенская церковь на Нередице и новгородская архитектурная школа XII в.....	33
<i>Седов Вл. В.</i> Придел на хорах церкви Спаса на Нередице.....	51
<i>Седов Вл. В.</i> Новый тип хор в древнерусской архитектуре XII в.....	67
<i>Сарабьянов В. Д.</i> Алтарная преграда церкви Спаса на Нередице: типология и иконография.....	83
<i>Гиппиус А. А.</i> К биографии Олисея Гречина.....	99
<i>Этингоф О. Е.</i> Заметки о греко-русской иконописной мастерской в Новгороде и росписях Спасо-Преображенской церкви на Нередице.....	115
<i>Этингоф О. Е.</i> Многоярусная структура росписи в Спасо-Преображенской церкви на Нередице. Тезисы.....	144
<i>Гордиенко Э. А.</i> Живопись Гарды и Нередицы в системе византийской, новгородской и западноевропейской культуры второй половины XII — первой четверти XIII в.....	150

Реставрация

<i>Щенков А. С.</i> Архитектурная реставрация церкви Спаса на Нередице в начале XX в.....	161
<i>Пивоварова Н. В.</i> Деятельность Академии истории материальной культуры по охране, реставрации и исследованию церкви Спаса на Нередице.....	169
<i>Чубарова Н. А.</i> Фрагменты фресок церкви Спаса Преображения на Нередице в коллекции ЦМиАР.....	177
<i>Квливидзе Н. В., Столова Г. Р.</i> Материалы по истории реставрации фресок церкви Спаса на Нередице.....	180

Публикации, материалы

<i>Порфиридов Н. Г.</i> К вопросу о запрестольном Деисусе Нередицкой церкви. Вступительная статья, публикация и примечания Г. К. Маркиной.....	235
<i>Гусев П. Л.</i> Загадочный деисис в Спасо-Нередицкой церкви. ГАИМК, ф. 51, № 228. Публикация и примечания Н. В. Пивоваровой.....	243
<i>Сычев Н. П.</i> К истории церкви Спаса-Нередицы близ Новгорода. Публикация и комментарии О. Е. Этингоф.....	247
<i>Лебедева Ю. А.</i> История одной композиции Спасо-Нередицкой церкви. ГАИМК, ф. 51, № 234. Публикация комментариев Н. В. Пивоваровой.....	279
<i>Буров В. А.</i> Исследование М. В. Ломакиной о фресках Нередицы.....	290
<i>Покрышкин П. П.</i> Доклад о способах и мерах к сохранению фресок церкви Спаса-Нередицы в Новгороде. Публикация В. Д. Сарабьянова.....	309
Список сокращений.....	325

А. А. Гиппиус

КНЯЗЬ ЯРОСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ И НОВГОРОДСКОЕ ОБЩЕСТВО КОНЦА XII В.

Основатель церкви Спаса на Нередице Ярослав Владимирович княжил в Новгороде в общей сложности тринадцать лет (1181–1184, 1187–1196, 1197–1199) — дольше любого другого из князей, занимавших новгородский стол в период между переворотом 1136 г. и началом монгольского нашествия. Необычная для Новгорода продолжительность его княжения обычно объясняется тем, что за Ярославом Владимировичем все это время стояла фигура могущественного суздальского князя Всеволода III Большое Гнездо, родственником и ставленником которого он являлся. Действительно, в летописях (как новгородской, так и владимирской) Ярослав неоднократно упоминается с определением «свояк Всеволож», подчеркивающим его политическую несамостоятельность. Иерархическая подчиненность Ярослава Владимировича Всеволоду Большое Гнездо отражена, как предполагается, и ктиторской надписью Нередицы, называющей строителя храма «вторым Всеволодом» (Пивоварова 1991: 145).

В отношении историков к Ярославу Владимировичу сквозит пренебрежение. Вот что писал, например, С. М. Соловьев о первом его княжении в Новгороде в 1181 г.: «Новгородцы увидали, что опасность от Всеволода близка и велика, а на помощь из Чернигова плохая надежда, и потому, выгнавши Владимира Святославича, послали за князем к Всеволоду: тот дал им свояка своего Ярослава Владимировича, *безземельного сына безземельного отца Владимира Мстиславича* (курсив мой. — А. Г.). Но Ярослав не много нажил в Новгороде: он возбудил против себя сильное негодование, и Всеволод вывел его из Новгорода, жители которого, как видно, не без ведома и согласия его призвали к себе из Смоленска Мстислава Давыдовича» (Соловьев 1959: 599).

Вместе с незначительностью фигуры Ярослава Владимировича и его ролью ставленника Всеволода III в литературе традиционно подчеркивается непрочность его положения в Новгороде, непопулярность этого князя среди новгородцев, его постоянные конфликты с ними. Отношения Ярослава Владимировича с Новгородом действительно складывались непросто. Новгородцы дважды, в 1184 и 1195 гг., обращались к Всеволоду с просьбой вывести Ярослава, а в 1196 г. и вовсе выгнали его в ответ на задержку Всеволодом новгородских послов. Вполне естественно, что эти столкновения в первую очередь обращали на себя внимание историков, создавая впечатление, что именно они и были основным содержанием княжения Ярослава Владимировича. Так, Дж. Феннел упоминает о восемнадцати (с перерывами) годах княжения Ярослава, «не принесших ему, надо сказать, популярности у новгородцев. Большую часть правления ему мешал буйный антисуздальски настроенный посадник Мирошка Нездинич» (Феннел 1989: 91). По оценке А. Поппэ, «в это время Ярослав являлся, в сущности, посадником владими́ро-суздальского князя,

так как ему не удалось привлечь на свою сторону новгородскую знать. Изгнанный из Новгорода в 1199 г., Ярослав и впредь выступал исполнителем воли Всеволода (Поппэ 1996: 496)¹.

Существует, однако, и другой взгляд на личность Ярослава Владимировича, наиболее ярко выраженный Л. В. Черепниным. «Его княжение оставило свой след во внутренней жизни Новгорода. В это время там велось большое церковное строительство. В своей резиденции под Новгородом он построил церковь Спаса на Нередице и украсил ее фресками. <...> Говоря о закладке Нередицкой церкви, Новгородская летопись называет Ярослава великим князем, а „Слово“ Даниила Заточника именует его „сыном великого царя Владимира“. Большое значение имели для истории Новгорода и военные мероприятия Ярослава. Известны два его удачных похода на чудь в 1191 и 1192 гг. Наконец, важным актом в области внешней политики было заключение Новгородом при Ярославе Владимировиче, около 1195 г., торгового соглашения с Готландом» (Черепнин 1948: 252). Такая оценка фигуры Ярослава Владимировича позволила исследователю связать с его именем происхождение первоначального формуляра новгородско-княжеских докончаний, знаменитые «Ярослави грамоты», на которых впоследствии князья «целовали крест» Великому Новгороду (Там же: 253–254)².

Образ строителя Нередицы, адресата «Слова Даниила Заточника»³, деятельного политика и военачальника, каким предстает Ярослав Владимирович в изображении Л. В. Черепнина, плохо согласуется с представлением о безземельном князе-изгое, неудачнике, вечно конфликтовавшем с новгородцами и бывшем лишь «тенью» Всеволода Большое Гнездо на новгородском столе. Данное противоречие побуждает нас еще раз обратиться к фигуре Ярослава Владимировича, пока не до конца понятой и вместе с тем представляющей для истории Новгорода исключительный интерес.

Начнем с традиционного утверждения о непопулярности Ярослава Владимировича в Новгороде. Не в последнюю очередь оно основывается на резкой оценке его действий, содержащейся в статье 1184 г. старшего извода Новгородской I летописи (НПЛ: 37): «Томь же лѣтъ выведе Всеволодь, приславъ, своякъ свои из Новгорода Ярослава Володимировиця: негодовахуть бо ему новгородьци, зане много творяху пакостии волости Новгородьскеи». Последняя фраза, казалось бы, не оставляет никаких сомнений в оценке летописью фигуры Ярослава. Между тем это лишь поверхностное впечатление, основанное на неточном прочтении текста. При таком прочтении остается неясным, что стоит за формой множественного числа *творяху*. С. М. Соловьев (1959: 730), отметив эту грамматическую несообразность, предположил, что речь идет о каких-то мужах Ярослава, однако данное допущение не делает фразу более правильной — другие случаи подобной несогласованности в летописи отсутствуют. Ключ к пониманию этого текста дают, между тем, списки младшего извода НПЛ, в которых вместо *пакостии* читается *пакости*. Фраза становится грамматически **абсолютно корректной**, если рассматривать эту форму как аорист, а форму *творяху* трактовать как **передающую ссылку** на чужое мнение (это значение глагола *творити* было широко представлено в древнерусском, см., например, в НПЛ под 1239 г.: *инии творяху, яко и пискупъ их убьень бысть ту* «другие утверждали, что и епископ их был там убит»). Переводить фразу нужно, следовательно, так: «новгородцы негодовали на него, **утверждая, будто бы** он много навредил Новго-

родской области». Как и в других подобных контекстах, летописец намеренно дистанцируется от цитируемого утверждения, оставляя его достоверность на совести авторов. Официальная городская хроника, таким образом, не разделяет мнения критиков Ярослава Владимировича, обнаруживая по отношению к князю известную лояльность. Таким образом, ни о каком «единодушии» городской общины в вопросе о выводе князя (ср.: Фроянов 1992: 241) говорить не приходится.

Через три года, в 1187 г., новгородцы, неудовлетворенные княжением приглашенного из Смоленска Мстислава Давыдовича, вновь обращаются к Всеволоду, на этот раз прося дать им именно Ярослава Владимировича, и Ярослав вновь оказывается на новгородском столе. После этого исследователи истории Новгорода обычно обращаются к событиям 1195 г., когда новгородцы отправили к Всеволоду посольство с просьбой вывести Ярослава и дать вместо него своего сына. Семилетний промежуток, лежащий между этими двумя посольствами, при этом как бы выпадает из поля зрения. Между тем для понимания фигуры Ярослава Владимировича и его отношений с Новгородом именно эти семь лет представляют, быть может, наибольший интерес. Это были годы спокойного княжения Ярослава в Новгороде. Князь построил церковь Николы на Городище (1191), заключил договор с немцами (1191–1192), совершил ряд удачных военных походов. У Ярослава рождались дети (1189, 1190, 1191, 1193), и летопись (случай для Новгорода уникальный!) регулярно отмечала их появление на свет (НПЛ: 39–41; только в Синодальном списке). «Буйство» посадника Мирошки Нездинича, сменившего на этом посту Михалку Степановича в 1189 г., на протяжении всего этого времени никак не проявило себя. Замечательна сама продолжительность этого периода. Для сравнения приведем сроки пребывания на новгородском столе десяти предшественников Ярослава Владимировича (см.: Янин, Гайдуков 1999: 48).

Роман Мстиславич — 2,5 года
Рюрик Ростиславич — 1,5 года
Юрий Андреевич — 3 года
Святослав Мстиславич — несколько месяцев
Ярослав Мстиславич — 1,5 года
Ярополк Ростиславич — несколько месяцев
Роман Ростиславич — полгода
Мстислав Ростиславич — 7,5 месяцев
Владимир Святославич — полгода
Святослав Всеволодович — 1 год

Думается, одних этих цифр достаточно, чтобы утверждать, что положение Ярослава Владимировича в Новгороде было прочно как ни у кого из его предшественников. Это, конечно, ни в коей мере не означает, что в отношениях князя с Новгородом царил полная идиллия. По оценке В. Л. Янина (1962: 109), второе княжение Ярослава «характеризуется возобновлением всех тех противоречий, которые существовали в его первое княжение». С этим согласен и И. Я. Фроянов, полагающий, что все это время в Новгороде «зрело недовольство Ярославом, которое к 1195 г. достигло большой остроты». Возможно, что все так и было. Однако в другие годы для такого «вызревания» достаточно было нескольких месяцев, а иногда и дней. К тому

же посольство 1195 г. с просьбой заменить Ярослава было, как видно из летописи, импульсивной реакцией на переменчивость решений Всеволода, сначала позвавшего новгородцев с Ярославом в поход на Чернигов, а затем неожиданно вернувшего их назад (вспомним, что в 1136 г. аналогичная непоследовательность в отношении к южным князьям была поставлена новгородцами в вину Всеволоду Мстиславичу: «велевь ны еси к Всеволодку приступити, а паки отступити велить» — НПЛ: 24). Изгнание же новгородцами Ярослава осенью 1196 г. было также реакцией на действия Всеволода, на этот раз — задержку им новгородских послов. Это была вынужденная мера, о которой новгородский летописец отзывается с сожалением: «Жаляху по немь Новегородъ добрии, а злии радовахуся» (НПЛ: 43). На следующий год, после кратковременного княжения приглашенного из Чернигова Ярополка Ярославича, конфликт был исчерпан, закончившись возвращением в Новгород Ярослава Владимировича и его полным примирением с Новгородом: «Идоша из Новагорода переднии мужи и сътьскии и пояша Ярослава съ всею правдою и чьстью; и приде на зиму Ярославъ по Крещении за недѣлю и седе на столъ своемь, и обуяся с людьми, и добро все бысть. И Мирошка приде посадникъ, съдѣвъ два лѣта за Новгородъ... и ради быша Новегородъ вси от мала до велика» (НПЛ: 43). Концентрация положительных оценок, которые демонстрирует здесь городская летопись по отношению к «непопулярному» Ярославу Владимировичу, не имеет аналогий в повествовании НПЛ за весь XII в.

За этим следуют еще полтора года мирного княжения Ярослава в Новгороде, трагическая смерть княжичей Ростислава и Изяслава весной 1198 г., строительство Спасо-Нередицкого и Рождественского на Михалице монастырей и, наконец, окончательный вывод Ярослава из Новгорода. Существует несколько летописных версий этого вывода. Решительнее всех настроена Никоновская летопись, по которой весной 1199 г. «начаша новгородцы совет творити, еже изгнати им князя своего Ярослава Владимирича с княжения из Новагорода» (ПСРЛ 10: 32). Владимирский летописец ничего о недовольстве новгородцев Ярославом Владимировичем не сообщает, но преподносит вывод Ярослава как ответ Всеволода на инициативу новгородцев: «Тое же осени придоша новгородци лѣпшии мужи Мирошьчина чадь к великому князю Всеволоду с поклоном и с молбою всего Новагорода, рекуще: Ты господинь князь великий Всеволод Гюргевич, просимъ у тебе сына княжить Новугороду, зане тобѣ отчина и дѣдина Новъгородъ» (ПСРЛ 1: 415). Между тем Новгородская летопись представляет вывод Ярослава и назначение Святослава в Новгород как инициативу самого Всеволода: «Приславъ Всѣволодъ, выведе Ярослава из Новагорода и веде и къ себе; а из Новагорода позва владыку и посадника Мирошку и вячшии мужи по сынъ» (НПЛ: 44). Принимая во внимание значительно бóльшую тенденциозность владимирского летописания этого времени, новгородской версии следует, как кажется, отдать предпочтение. Во всяком случае ничего, что могло бы спровоцировать новгородцев на очередное возмущение Ярославом, в событиях, предшествующих выводу его из Новгорода, мы не находим. Напротив, факт основания княжеской семьей в Новгороде двух монастырей в 1198–1199 гг. свидетельствует о том, что Ярослав ощущал свое положение в Новгороде как весьма стабильное.

Итак, вопреки сложившемуся стереотипу мы можем утверждать, что Ярослав Владимирович обладал в Новгороде и авторитетом, и широкой поддержкой, без

которых столь продолжительное пребывание его на новгородском столе было бы просто невозможным.

Несправедливо было бы считать, что прочностью своего положения в Новгороде Ярослав Владимирович был целиком обязан Всеволоду, ставленником которого он являлся. Роль «свояка Всеволода» почти полностью заслонила в литературе другую, не менее важную характеристику Ярослава Владимировича. Этот, по уже цитированному выражению С. М. Соловьева, «безземельный сын безземельного отца» был, однако же, внуком Мстислава Великого, славное и продолжительное княжение которого оставило глубокий след в исторической памяти Новгорода. Насколько важным для новгородцев была принадлежность Ярослава к потомству Мстислава Владимировича, видно из известия местной летописи о первом вокняжении Ярослава Владимировича: «Новгородъци послашася къ Всеволоду по князь, и въда имь своякъ свои. Въ лѣто 6690 (1182). Приде князь Ярослав въ Новѣгородъ, сынъ Володимиръ, а внукъ великаго Мъстислава» (НПЛ: 37). Всеволод «дает» новгородцам Ярослава как своего свояка, но приходит он в Новгород как «внук великого Мстислава». Соединение в лице Ярослава Владимировича этих двух ипостасей — «свояк Всеволода» и «внук Мстислава» — делало его фигурой компромиссной и чрезвычайно удобной как для Новгорода, так и для Всеволода Юрьевича, способной, по крайней мере внешне, нейтрализовать давнее соперничество из-за новгородского стола старших и младших Мономаховичей. Сделанный Всеволодом выбор был исключительно дальновиден. Стоявшую перед ним задачу — приучить новгородцев к суздальской руке — трудно было решить более эффективно, чем посадив в Новгороде в качестве своего наместника потомка Мстислава Великого. Внук старшего сына Мономаха представлял на новгородском столе сына его младшего сына, и эта уникальная ситуация должна была удовлетворить как новгородских сторонников владими́ро-суздальской линии, так и традиционных приверженцев Мстиславичей.

Следует думать, что родство с Мстиславом Великим не было в глазах новгородцев генеалогической абстракцией, оправдывавшей нахождение Ярослава на новгородском столе, но материализовалось в особого рода отношениях, связывавших князя с новгородским боярством. Рассуждая в этом направлении, необходимо прежде всего вспомнить, что отец Ярослава Владимир был младшим сыном Мстислава Владимировича, единственным рожденным во втором браке, в котором супругой Мстислава была дочь новгородского посадника Дмитра Завидича. Иначе говоря, Ярослав Владимирович был единственным новгородским князем домонгольского времени, в жилах которого текла новгородская кровь, что не могло не осознаваться новгородцами. Практически это означает, что в Новгороде Ярослав имел близких родственников в лице потомков Дмитра Завидича. Можно даже высказать предположение, кто были эти родственники. Дмитрий Завидич, по-видимому, принадлежал к боярству Неревского конца⁴. Сыном его был Завид Дмитрович, избранный на посадничество в 1128 г. и в том же году умерший. Обращает на себя внимание совпадение имен деда и внука: повторяемость родовых имен через поколение — черта, характерная как для древнерусского княжеского, так и для боярского родословия. В связи с этим нельзя не заметить, что в годы княжения Ярослава Владимировича представителем неревского боярства на посадничестве был также Завид (Неревинич) (см.: Янин 1991: 11). По поколениям он вполне мог приходиться внуком Завиду Дмитровичу и таким образом быть троюродным братом Яро-

слава Владимировича. Допущение этой родственной связи позволяет понять, почему в 1199 г., когда супруга Ярослава Владимировича основала Рождественский Михалицкий монастырь, его игуменьей стала вдова Завида Неревинича (НПЛ: 44).

Родственные связи князя с новгородским боярством нисколько не гарантировали от конфликтов, однако сообщали его отношениям с Новгородом известную прочность. Если Ярослав Владимирович, в силу названных причин, был «своим» для части новгородского боярства, то и Новгород, в силу тех же причин, оказывался «своим» для Ярослава Владимировича. Похоже, что со времен Мстислава Великого и Всеволода Мстиславича никто из новгородских князей не чувствовал себя в Новгороде настолько «у себя дома», как Ярослав Владимирович. Это наглядно проявляется в летописном формуляре: в уже цитированном известии о приходе Ярослава в Новгород в 1196 г. летопись использует оборот «и седе на столь своем» (НПЛ: 43), до этого употребленный лишь раз применительно к Всеволоду Мстиславичу под 1137 г.: «приде князь Мъстиславиць Всѣволодь Пльскову, хотя състи опять на столь своемъ» (НПЛ: 24).

О том же свидетельствует и продолжение Ярославом Владимировичем традиции княжеского церковного строительства в Новгороде, прервавшейся с изгнанием Всеволода Мстиславича. О церкви Спаса-Нередицы принято говорить как о последней княжеской постройке в Новгороде, однако не менее важно другое: между тремя постройками Всеволода (собор Юрьева монастыря — 1118, церковь Иоанна Предтечи на Петрятине дворище — 1127, церковь Богородицы на Торгу — 1135) и тремя постройками Ярослава Владимировича (церковь Николы на Городище — 1191, церковь Спаса на Нередице — 1198 и Рождественский монастырь на Михалице — 1199) лежит более чем полувековой промежуток, в который князья (за исключением Святослава Ростиславича, построившего в 1165 г. единственную деревянную церковь Николы на Городище) церквей в Новгороде не строили и монастырей не основывали.

Обновляя в 1191 г. Никольскую церковь на Городище, Ярослав выступает продолжателем традиции своего деда Мстислава, построившего в 1113 г. Никольский собор на Ярославовом дворище. Как «внук Великого Мстислава» Ярослав Владимирович упоминается летописью и в известии о строительстве церкви Спаса на Нередице (НПЛ: 44). Особенно важно, что, как убедительно показала Н. В. Пивоварова (1991), Нередицкий храм строился не только в память об умерших сыновьях Ярослава Владимировича, но и как место его собственного последнего упокоения. Вряд ли кто-нибудь из его предшественников Ярослава на новгородском столе мог всерьез рассчитывать быть погребенным в Новгороде. Между тем это намерение снова возвращает нас ко времени княжения Всеволода Мстиславича, который, как известно, «целовавъ крестъ къ новгородцемъ, яко хочу у васъ умерети» (НПЛ: 22).

Нарушивший этот «ряд» с Новгородом и в конечном счете изгнанный оттуда, Всеволод умер в 1138 г. в Пскове, где некоторое время спустя был прославлен как местный святой. Обстоятельства этого прославления представляют для нашей темы исключительный интерес. Хотя данное событие осталось не отмеченным летописями, время его точно определяется на основании «Слова об обретении мощей святого и благоверного великого князя Всеволода». «Тогда во Пскове князю Ярославу Владимиричу, в Новѣ же граде тогда сушу архиепископу Гаврилу, во Псковѣ же бяше тогда посадникъ Анания Матфеевичъ» (ПСРЛ 21: 201). Псковское княже-

ние Ярослава Владимировича действительно имело место в 1192 г., когда, согласно Новгородской летописи, «иде князь Ярославъ Пльскову на Петровъ день, и новгородъци въмале; а самъ седе на Пльскове, а дворъ свои пославъ съ пльсковичи воевать, и шьдъше възяша городъ Медвежю голову и пожьгоша, и придоша сторови» (НПЛ: 40).

Факт присутствия Ярослава Владимировича в Пскове при обретении мощей Всеволода-Гавриила чрезвычайно показателен, не оставляя сомнений в том, что отмеченные выше параллели явились следствием сознательной ориентации Ярослава на образец Всеволода Мстиславича⁵. Вместе с тем он имеет прямое отношение к росписи Нередицы, окончательно проясняя, на наш взгляд, смысл слов «второй Всеволод» в надписи ктиторской фрески. Долго господствовавший в литературе взгляд на ктиторскую композицию как произведение XIII в. относил этот оборот к Ярославу Всеволодовичу, названному так, как считал Л. Ю. Дмитриев, по отношению к своему отцу Всеволоду Большое Гнездо (Дмитриев 1938: 39–57). Н. В. Пивоварова, доказавшая принадлежность фрески первоначальной росписи храма, видит в этих словах указание на характер отношений с Всеволодом III Ярослава Владимировича. «Тот факт, что в сознании новгородцев Ярослав Владимирович в годы новгородского княжения был „вторым“ после Всеволода, не вызывает сомнений» (Пивоварова 1991: 145). Однако значение «второй *после* X (при живом X)» никогда не выражается в древнерусских и церковнославянских текстах сочетанием «второй X». Прилагательное *второй* имеет в этом сочетании типологическое значение, будучи синонимом прилагательного *новый* и указывая на воспроизведение «вторым/новым X» прототипических черт «первого» X⁶. Принципиальной для установления таких типологических отношений является принадлежность прототипа к иной, более ранней эпохе: «второй X» не может быть современником X. Все это заставляет решительно присоединиться к точке зрения первого публикатора и исследователя нередицкой надписи И. И. Срезневского, видевшего во Всеволоде рассматриваемого выражения Всеволода-Гавриила Мстиславича (Срезневский 1863: 201–205). Срезневский, однако, не пояснил, что именно в деятельности Ярослава Владимировича позволило назвать его «вторым Всеволодом». Теперь мы видим, что для этого действительно имелись весьма глубокие основания.

Можно думать, что фигура Всеволода Мстиславича была значима для Ярослава Владимировича не только сама по себе, но в первую очередь как «продолжение» Мстислава Великого. Если Всеволод естественно воспринимал Новгород как свою «отчину», то «внук Великого Мстислава» Ярослав Владимирович имел основания через голову своего безземельного отца рассматривать его как свою «дедину», а самого себя воспринимать и как «нового Мстислава»⁷.

Значение образца Мстислава Великого для деятельности Ярослава Владимировича пронизательно отметил М. Ф. Мурьянов: «Можно представить, что Ярослав Владимирович, проведший свою жизнь в городах вроде Луцка и Дорогобужа и вдруг оказавшийся князем Великого Новгорода, с особым благоговением относился ко всему, что здесь было связано с периодом княжения Мстислава, находившегося на новгородском столе с 1088 по 1117 г., и стремился показать, что внук и дед представляют единую фамильную традицию» (Мурьянов 1966: 35). Общей для двух князей исследователь находил их прозападную ориентацию, в княжение Ярослава Владимировича проявившуюся в заключении договора с немцами в 1191–1192 гг., а также в западных истоках многих иконографических мотивов росписи Нередицы.

Новейшее исследование иконографии Нередицы (Пивоварова 1999) показало, что масштабы западного влияния в росписи храма были несколько преувеличены М. Ф. Мурьяновым. Тем не менее целый ряд фактов (как уже приведенных, так и рассматриваемых ниже) свидетельствует, что ориентация на Мстислава Великого и, шире, на княжение в Новгороде первых Мономаховичей действительно имели основополагающее значение в деятельности Ярослава Владимировича как новгородского князя.

Эта ориентация отчетливо обнаруживает себя и в двух военных предприятиях Ярослава Владимировича, «обрамляющих» церковный акт 1192 г. — походах на Юрьев зимой 1191/1192 г. и на Медвежью Голову летом 1192 г., заставляющих вспомнить походы на те же города Всеволода Мстиславича (1133 г.) и Мстислава Владимировича (1116 г.). Важно отметить, что с 1133 по 1191 г. новгородские на чужь вообще не ходили. При этом сообщение о походе Ярослава Владимировича на Юрьев дословно воспроизводит сообщение о походе Всеволода Мстиславича⁸. Оба похода, следовательно, имели, помимо чисто военного, еще и «мемориальное» значение как знаки преемственности Ярослава Владимировича по отношению к Мстиславу и Всеволоду.

В условиях республиканского строя, окончательно оформившегося с изгнанием Всеволода Мстиславича в 1136 г., претензия Ярослава Владимировича на роль «второго Всеволода» создавала достаточно напряженную и чреватую конфликтами ситуацию. В самой этой претензии уже заключался вызов боярской республике, получивший и весьма выразительное символическое воплощение. В Пскове память Всеволода-Гавриила отмечалась, помимо 11 февраля — дня смерти князя, также в день обретения мощей — 27 ноября (см.: Голубинский 1903: 62), т. е. одновременно с празднованием в Новгороде памяти чуда от иконы Богородицы «Знамение» — палладия новгородской республики⁹. Противоположность политических подтекстов обоих праздников очевидна. В ней можно было бы усмотреть проявление оппозиционности псковичей в отношении «старшего брата» Новгорода, однако участие в событиях Ярослава Владимировича позволяет видеть здесь скорее демонстрацию со стороны князя, временно «удалившегося» в Псков и обретшего там мощи почитаемого им предшественника, в свое время «пострадавшего» от своеволия новгородцев.

Поскольку реставраторские амбиции Ярослава Владимировича вступали в противоречие с интересами новгородского боярства, он должен был искать поддержки более широких городских кругов. Кажется поэтому глубоко не случайным, что именно на годы княжения Ярослава приходится значительное укрепление сотенно-купеческой организации Новгорода и введение поста республиканского тысяцкого (см.: Янин 1962: 109–110; Флоря 1999: 90–94). Эту реформу принято рассматривать как очередную победу республиканских институтов над княжеской властью, шаг за шагом сдающей свои позиции в Новгороде. Можно, однако, взглянуть на вещи и иначе. Институт тысяцкого, представлявший во властных структурах Новгорода непривилегированное городское население, «всех меньших», объективно уравнивал институт посадничества как форму осуществления власти «старейших», т. е. бояр. Создание такого противовеса было поэтому в интересах самого Ярослава Владимировича и даже могло быть княжеской инициативой. Это предположение, конечно, нуждается в тщательной проверке и в рамках настоящей работы не может быть аргументировано. И все же нельзя уже сейчас не отметить, что пере-

распределение важнейших судебных и контрольных функций в пользу сотских и «всего Новагорода», непосредственно предшествующее учреждению института тысяцкого в его новом виде, было осуществлено в форме издания княжеского устава, дошедшего до нас в составе «Церковного устава Всеволода». Как показал недавно Б. Н. Флоря (1999: 87–94), в составе этого памятника вычленяется акт, изданный, по-видимому, в первые годы княжения Ярослава Владимировича. Подписание этого акта именем Всеволода исследователь объясняет тем, что подлинным «издателем» устава был Всеволод Большое Гнездо, ставленником которого в Новгороде являлся Ярослав Владимирович. Теперь, однако, у нас появляются основания видеть в уставе самостоятельный акт Ярослава Владимировича, еще одно проявление его ориентации на Всеволода Мстиславича, которым, видимо, и был издан в свое время церковный устав, дополненный в конце XII в. и впоследствии не раз редактировавшийся (см. подробнее: Гиппиус 2003).

Своими действиями Ярослав Владимирович, по-видимому, действительно снискал себе в Новгороде широкую поддержку, но вместе с тем и нажил врагов. Яркое свидетельство поляризующего эффекта, который его деятельность возымела на новгородское общество, — летописный комментарий к известию об изгнании Ярослава в 1196 г.: «И жаляху по немь въ Новѣгородѣ добрии, а злии радовахуся» (НПЛ: 43). Эта фраза, перекликающаяся с титорской надписью Нередицы («злыя обличая, добрыя любя»), одновременно заставляет вспомнить противопоставление «добрых» и «злых» в статье НПЛ 1257 г., имеющее ярко выраженный социальный характер. Тогда новгородцев расколол на два лагеря приезд татарских численников, при этом «вятшии» устроили «совет зол», веля «меньшим» «ятися по числу»: «Творяху бо бояре собѣ легко, а меншим зло» (НПЛ: 82). Кажется вполне вероятным, что и в 1195 г. страсти, разгоревшиеся вокруг изгнания Ярослава Владимировича, имели, во всяком случае отчасти, социальную подоплеку и что на стороне князя выступили именно «меньшие». Не случайно, когда в 1197 г. конфликт Новгорода с Ярославом был исчерпан, за князем во Владимир отправились не только «переднии мужи», но и сотские (НПЛ: 43), которые впервые выступают здесь консолидированно, как организованная сила. Можно думать, что этой консолидацией низовой организация Новгорода была не в последнюю очередь обязана Ярославу Владимировичу.

Не менее важной, чем опора на новгородских «меньших», была для Ярослава поддержка церковных кругов. Нередицкая надпись, уподобляя Ярослава Всеволоду, ставит ему в заслугу заботу о церкви и монастырях («вся църквныя чины и манастырескыя лики милостивен имая»). Забота князя о «церковных чинах» выразилась, как можно думать, в обновлении уставов Всеволода. Что же касается «монастырских ликов», то их упоминание, возможно, отсылает не только к основанию самим Ярославом Владимировичем и его княгиней двух монастырей в 1198–1199 гг., но и к важнейшему нововведению в монастырской жизни Новгорода конца XII в. — учреждению на базе княжеского Юрьева монастыря новгородской архимандритии.

Появление у игуменов Юрьева монастыря титула «архимандрит новгородский» было отнесено В. Л. Яниным (1977: 142) ко времени игуменства Савватия (1194–1126). Употребление этого титула в сообщении о смерти предшественника Савватия Дионисия (1194 г.), обнаруживаемое только в младшем изводе НПЛ и отсутствующее в Синодальном списке, исследователь счел позднейшей вставкой. Однако наблюдения над соотношением двух изводов НПЛ позволяют связывать эту вставку

с редактированием владычной летописи, осуществленным около 1199 г., после смерти архиепископа Мартирия (см.: Гиппиус 1997: 30). Появление титула «архимандрит новгородский» должно в таком случае относиться к самому началу игуменства Савватия. Возможно, преобразование юрьевского игуменства в архимандритию было приурочено к поставлению нового игумена в 1194 г.

Это преобразование, в общей перспективе истории Новгорода выглядящее как превращение Юрьева монастыря из княжеского в вечевой, в момент его осуществления имело, возможно, несколько иной смысл. В конце XII в., при Ярославе Владимировиче, Юрьев монастырь еще сохранял свой ктиторский характер, оставаясь местом погребения представителей княжеского рода (именно здесь были похоронены умершие в 1198 г. сыновья Ярослава). Приобретение им официального статуса главного новгородского монастыря было, несомненно, в интересах князя, и здесь выступившего продолжателем дела Мстислава и Всеволода, ктиторство которых в отношении Юрьева монастыря засвидетельствовано целым рядом актов.

Важно и другое. Появление должности новгородского архимандрита, в выборах которого принимал участие «весь Новгород», означало создание «независимой от владыки организации новгородского черного духовенства» (Янин 1977: 146). Аналогичным образом введение поста республиканского тысяцкого означало создание независимой от посадника организации непривилегированного населения Новгорода. Структурный параллелизм, связывающий эти два важнейших преобразования в светской и церковной жизни Новгорода, а также их практически одновременное осуществление становятся понятны, если считать, что обе реформы были произведены по инициативе и под эгидой Ярослава Владимировича, стремившегося ограничить влияние непредсказуемого в своем политическом выборе новгородского боярства путем введения новых влиятельных общественных институтов, представляющих более широкие слои населения.

Лучшим свидетельством эффективности проводившейся Ярославом Владимировичем политики является его триумфальное возвращение в Новгород в 1197 г. С этим событием, как уже говорилось, Л. В. Черепнин связывал происхождение формуляра письменных докончаний Новгорода с князьями, известных по актам XIII—XV вв., начиная с договоров с Ярославом Ярославичем 1264—1268 гг. (ГВНП, № 1—3, датировка по: Янин 1982: 142—150). Заключенное тогда соглашение было, по мысли исследователя, одной из «Ярославлих грамот», на которые впоследствии неоднократно ссылались новгородцы. Предположение историка действительно имеет под собой серьезные основания. С одной стороны, в статье 6705 (1197) г. впервые сказано, что князь был «поят» новгородцами «со всею правдою», что прямо указывает на предъявление Ярославу некоторых условий и заключение с ним соглашения. С другой стороны, сама практика приведения князя к присяге предполагает в качестве обязательного условия общепризнанную свободу Новгорода в выборе князей, а как раз за год до этого, в 1196 г., на сей счет было достигнуто межкоалиционное княжеское соглашение: после примирения Всеволода и Давыда Ростиславича с Ярославом Черниговским и Игорем Святославичем «Новгородъ выложиша вси князи въ свободу: где имъ любо, ту же собе князя поймають» (НПЛ: 43). Наконец, первое упоминание сотских в составе посольства, направившегося за князем во Владимир, удачно корреспондирует с их упоминанием в начальной формуле первой из договорных грамот с Ярославом Ярославичем (и только ее: в после-

дующих документах место сотских занимают «все меньшие»). Все это не означает, конечно, что к 1197 г. относится появление самих положений стандартного формуляра договора: ряд их безусловно восходит к значительно более раннему времени. Однако связь письменного оформления договора с приглашаемым князем с рассматриваемыми событиями представляется тем не менее вполне вероятной¹⁰.

Вернемся теперь к событиям 1196 г., когда изгнанный из Новгорода Ярослав Владимирович отправился в Торжок и был восторженно встречен новоторжцами. Здесь снова трудно удержаться от параллели с Всеволодом Мстиславичем, изгнанным новгородцами и нашедшим приют в Пскове в 1137 г. В биографии самого Ярослава Владимировича кратковременное псковское княжение, как мы помним, также имело место в 1192 г., когда им были обретены мощи Всеволода. При всем различии ситуаций, между этим псковским княжением и новоторжским княжением 1196 г. есть нечто общее. Предпочтение, оказываемое таким образом «меньшим» городам Новгородской земли, определенным образом коррелирует с опорой Ярослава Владимировича на «меньших» в самом Новгороде. В таком своем поведении Ярослав Владимирович не одинок. Похожую тактику демонстрирует и его свояк Всеволод III, опираясь в своем стремлении к «самовластью» не на родовитое боярство старейших городов — Ростова и Суздаля, а на «мезинных людей владимирских» (см.: ПСРЛ 1: 377—378 и анализ данного пассажа: Петрухин 2000: 225). В этой опоре князей на «меньших» в самом широком смысле слова — младшую дружину, меньшие города, широкие земские круги — В. Я. Петрухин справедливо усматривает примету эпохи, когда «на смену представлениям о коллективной власти княжеского рода над русской землей приходит идея (и титул) великого князя как верховного сюзерена не «всей Руси», но своей волости — Владимиро-Суздальской и Галицко-Волынской земли» (Петрухин 2000: 229).

Превращение сочетания «великий князь», до этого носившего скорее этикетный характер, в титул обоснованно связывается с именем Всеволода III («Большое Гнездо»), с начала 1190-х гг. спорадически, а после 1195 г. последовательного титулуемого таким образом Владимирской летописью (см.: Порре 1989: 174). В этом отношении Новгород, как справедливо замечает А. Поппэ, «took an unusual position: local chronicles clearly avoided calling Vsevolod „Grand Prince“, undoubtedly because they rightly assumed that they would not only be recognizing a fact but also Vsevolod's right to suzerainty over the city» (Ibid.: 175). На фоне этого намеренного уклонения от титулования великим князем Всеволода III не может не поражать тот факт, что под 1198 (6706) г. в сообщении о строительстве церкви Спаса на Нередице Новгородская летопись употребляет этот титул применительно к Ярославу Владимировичу: «Въ то же лѣто заложи церковь камяну князь великий Ярославъ, сынъ Володимиръ, вьнукъ Мьстиславль, вь имя святого Спаса Преображения Новгородѣ на горѣ, а прозвище Нередице (НПЛ: 44). Это именование, безусловно, не случайная оговорка летописца и не окказиональное использование сочетания в его старом, «дотитульном» значении¹¹. Есть основания видеть в нем итог всего новгородского княжения Ярослава Владимировича, которому удалось-таки приучить новгородцев к мысли об исторической принадлежности ему, «второму Всеволоду», Новгорода как «своей волости». По-видимому, под конец своего княжения «внук Великого Мстислава» Ярослав Владимирович действительно *ощущал* себя в Новгороде таким же «великим князем», каким Всеволод III *был* для Владимиро-Суздальской Руси.

Распоряжаясь Новгородом как «своей волостью», Ярослав символически сажает своего старшего (восьмилетнего!) сына Изяслава «княжить» на Луках («от Литвы оплечь Новугороду» НПЛ: 44), где тот внезапно умирает весной 1196 г., одновременно со смертью в Новгороде другого княжича — Ростислава¹². Подобно Всеволоду III, ходившему в 1183 г. «съ всею областью своею» на волжских болгар (НПЛ: 37), Ярослав Владимирович идет в 1191 г. «съ своею оболостью» на чудь, «воспроизводя» при этом, как мы видели, поход Всеволода Мстиславича 1133 г. Сплочение Новгородской земли под рукой Ярослава Владимировича достигает предела в сообщении о походе на Полоцк зимой 1198 г.: «На ту же зиму ходи князь Ярославъ съ новгородьци и съ пльсковци и съ новотържьци и съ ладожань и съ всею областью Новгородьскою къ Полотъску, и усретоша полоцяне съ поклономъ на озъре на Касъпле; и възьмьше мирь, възвратишася Новугороду: Богъ бо не вда крѣви пролитья крестьяномъ межи собою» (НПЛ: 44). Это сообщение непосредственно следует за известием о возведении Нередицкой церкви, называющим Ярослава великим князем.

Строительство церкви Спаса на Нередице (как и основание княгиней Ярослава Рождественского монастыря) в последнее время аргументированно увязывается со смертью княжичей Изяслава и Ростислава весной 1198 г. (Мурынов 1966: 31; Пивоварова 1991: 153). Не следует, однако, упускать из виду и другое обстоятельство. Личная трагедия Ярослава Владимировича совпала с моментом высшего подъема его карьеры, когда располагавший самой широкой поддержкой в Новгороде Ярослав уже ощущал себя «великим князем» огромной Новгородской земли. Возрождение именно в этот момент прервавшейся с изгнанием Всеволода Мстиславича традиции княжеского каменного строительства в Новгороде представляется поэтому глубоко симптоматичным. В конце концов, именно прославлению Ярослава Владимировича как «второго Всеволода» посвящена ктиторская надпись Нередицы, в то время как тема смерти княжичей прочитывается лишь в иконографии росписи.

Выше нам пришлось отказаться от трактовки слов «второй Всеволод» как имеющих в виду Всеволода Большое Гнездо. Не исключено, однако, что сопоставление с владимирским «самодержцем» все же было заложено в этом выражении, образуя его подтекст. Как и многие другие действия Ярослава Владимировича, строительство Нередицы может быть «прочитано» в двойной перспективе. Представляя себя «вторым» Всеволодом Мстиславичем, Ярослав Владимирович тем самым подчеркивал свой статус как суверенного правителя, объективно противопоставляя себя более «актуальной» фигуре Всеволода Большое Гнездо. То, что в диахронической новгородской перспективе воспринималось как подобие и подражание, в синхронной владимирской должно было восприниматься как параллелизм и претензия на самостоятельность. Чрезвычайно показателен в этом отношении факт основания Рождественского монастыря в 1199 г. женой Ярослава Владимировича. Вместе с основанным князем Нередицким монастырем он составлял точно такую же пару, какую во Владимире образовывали княжеский Рождественский и «княгинин» Успенский монастыри.

Основание Рождественского монастыря и роспись Нередицы были последними деяниями княжеской четы на новгородской земле. Внезапный вывод из Новгорода, последовавший, по-видимому, сразу за освящением Спаса-Нередицы, означал крах многолетних усилий Ярослава Владимировича, направленных на обзаве-

дение собственной «волостью». В этом выводе предельно остро проявилось основное противоречие фигуры Ярослава Владимировича — несоответствие между претензией на роль самостоятельного правителя, продолжателя в Новгороде традиции первых Мономаховичей, и реальной зависимостью от Всеволода Большое Гнездо. В каком-то смысле вся бурная деятельность Ярослава в Новгороде была лишь попыткой преодолеть собственное изгойство, попыткой глубоко продуманной, смело и умно осуществлявшейся, но заранее обреченной на провал. В то время как для Новгорода Ярослав был «вторым Всеволодом» (Мстиславичем) (или, во всяком случае, стремился предстать таковым), взгляд из Владимира продолжал видеть в нем лишь «свояка Всеволожа» (Юрьевича). Свои амбициозные планы Ярослав Владимирович был волен осуществлять лишь постольку, поскольку это не противоречило интересам его владимирского патрона. Когда же положение Ярослава в Новгороде окрепло настолько, что стало угрожать превращением свояка-марионетки в сильную самостоятельную фигуру, Всеволод сразу же указал Ярославу на его подлинное место, в одночасье выведя его из Новгорода. Вполне вероятно, что последней каплей, переполнившей чашу терпения Всеволода, стало присвоение Ярославом Владимировичем великокняжеского титула, означавшее открытый пересмотр той схемы отношений, согласно которой Ярослав в Новгороде был лишь представителем владими́ро-суздальского князя.

Навсегда исчезнув из Новгорода и затерявшись где-то на просторах Южной Руси¹³, Ярослав Владимирович оставил, однако, глубокий след в новгородской истории. Его реставраторским планам не суждено было сбыться, но для Новгорода они обернулись бурным развитием республиканских институтов, причем катализатором этого развития выступала сама княжеская власть. Вклад Ярослава Владимировича в реформирование новгородского общества конца XII в. пока лишь начинает вырисовываться. Однако уже сейчас можно без преувеличения сказать, что в истории Новгорода домонгольского времени ктитору церкви Спаса на Нередице принадлежит одно из наиболее видных мест.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ср. также характеристику князя, данную М. Ф. Мурьяновым: «Счастье не сопутствовало Ярославу Владимировичу. Сын безземельного князя Владимира Мстиславича, он был женат на сестре жены Всеволода Большое Гнездо и имел от нее дочь и трех сыновей. С новгородцами у него были постоянные неприятности, вследствие которых он дважды оставлял княжение» (Мурьянов 1968: 113).
2. С Ярославом Владимировичем связывает «Ярославли грамоты» и П. Д. Малыгин (1990: 23), трактуя их, однако, иначе — как договор, заключенный князем с новгородцами о Торжке.
3. То, что адресатом «Слова» является Ярослав Владимирович, признает в настоящее время большинство исследователей этого памятника. См. из последних работ: Соколова 1993.
4. Основание думать так дает следующее соображение: Дмитр Завидич умер 9 июля 1118 г., «посаднищяв 7 мѣсяць одну» (НПЛ: 21). Сразу за этим в летописи читается сообщение: «Томъ же лѣтъ приведе Володимиръ съ Мъстиславомъ вся бояры новгородьскыя Киеву, и заводи я къ чьстьному хресту, и пусти я домовъ, а иныя у себе остави; и разгнѣвася на ты, оже то грабили Даньслава и Ноздрьчу, и на сочьскаго на Ставра, и затоци я вся» (НПЛ: 21). Упомянутый здесь Ноздрьца с уверенностью отождествляется с ктитором церкви св. Димитрия на Даньславле улице, известной в дальнейшем как «Ноздрьчина» (см.: Янин, НГБ 1984—1989: 6). Очевидно

- патрональный характер посвящения храма позволяет предположить, что прозвище «Ноздрыца» принадлежало именно Дмитрию Завидичу, смерть которого, вероятно, явилась прямым следствием «грабежа» 1118 г.
5. Обретение мощей, вскрытие или просто посещение гробницы издавна использовались как средство демонстрации идеологической и политической преемственности. Классический пример представляет здесь вскрытие Оттоном III гробницы Карла Великого в Аахене в 1000 г. (см.: Weumann 1967), в котором нашла свое символическое выражение оттоновская программа *renovatio imperii*. Из церковной истории Новгорода можно сослаться на обретение мощей архиепископа Ильи-Иоанна в 1439 г. при архиепископе Евфимии II, также проводившем открыто реставраторскую программу (см.: Янин 1988: 161).
 6. Ср. хотя бы (с противоположным знаком) именование Святополка Окаянного «вторым» или «новым» Каином в произведениях Борисоглебского цикла.
 7. Ср. в этом отношении обращение новгородцев к пришедшему в Новгород в 1148 г. Изяславу Мстиславичу — сыну Мстислава Великого и внуку Владимира Мономаха: «ты наш князь, ты наш Володимерь, ты наш Мстислав» (ПСРЛ 2: 370). Благодаря А. Ф. Литвину и Ф. Б. Успенского за указание данной параллели.
 8. Ср.: «Томь же лѣтъ на зиму иде Всеволодь съ новгородьци на чюдь, и възь городъ Гюргевь, на память святого Никифора, февраля въ 9 день»; «иде князь Ярославъ съ новгородьци и съ пльсковичи и съ оболостью своею на чюдь и възь городъ Гюргевь, и пожгоша землю ихъ и полона бещисла приведоша» (НПЛ: 23, 40).
 9. Заметим, что, поскольку обретение мощей было явно приурочено к празднованию Знаменской иконы, само это совпадение является важным свидетельством существования Знаменского культа уже в конце XII в.
 10. В связи с проблематикой «Ярославлих грамот», ассоциируемых, как правило, с именем Ярослава Мудрого, нельзя не заметить, что сочетание имени и отчества делало Ярослава Владимировича, «второго Всеволода» и «внука Великого Мстислава», еще и полным тезкой своего знаменитого предка, что не могло не осознаваться самим князем и его окружением. В этом смысле пополнение Ярославом Владимировичем комплекса актов, ядро которого возникло при Ярославе Мудром, полностью отвечает общему характеру деятельности этого князя, каким он предстает в свете наших наблюдений.
 11. По мнению А. Поппэ, определение «великий» было использовано здесь для противопоставления Ярослава Владимировича Ярославу Всеволодовичу, сыну Всеволода Большое Гнездо («The chronicler clearly intended to distinguish between this Yaroslav, the brother-in-law of Vsevolod, Prince of Suzdal', and Vsevolod's son Yaroslav who was younger and well-known in Novgorod» (Poppe 1989: 180). Непонятно, однако, зачем понадобилось летописцу именно в этом контексте, указав не только отчество Ярослава, но и имя его деда, дополнительно подчеркивать, что речь не идет о Ярославе Всеволодиче, которому в момент строительства Нередицы было лишь 8 лет.
 12. Что-то загадочное есть в этой смерти княжичей, одновременно случившейся в разных городах в год, не отмеченный никакой эпидемией.
 13. В 1206 г. Ярослава Владимировича изгнал из Вышгорода Ростислав Рюрикович (ПСРЛ 1: 426), и более о нем ничего не известно.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Гиппиус 1997 — Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // НИС. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 3–72.
- Гиппиус 2003 — Гиппиус А. А. К истории текста Церковного устава Всеволода // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород, 2003. Вып. 17. С. 163–173.
- Голубинский 1903 — Голубинский Е. История канонизации святых в русской церкви. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1903.

- Дмитриев 1938 — *Дмитриев Ю. Л.* Изображение отца Александра Невского на нередицкой фреске XIII в. // НИС. Новгород, 1938. Вып. 3–4. С. 39–57.
- Мальгин 1990 — *Мальгин П. Д.* Древний Торжок (историко-археологические очерки). Калинин, 1990.
- Мурьянов 1966 — *Мурьянов М. Ф.* К культурным взаимосвязям Руси и Запада в XII в. // *Ricerche slavistiche*. Roma, 1966. Vol. 14.
- Мурьянов 1966 — *Мурьянов М. Ф.* Алексей Человек Божий в славянской рецензии византийской культуры // ТОДРЛ. 1968. Т. 23. С. 109–126.
- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
- Петрухин 2000 — *Петрухин В. Я.* Древняя Русь: Народ, князья, религия // Из истории русской культуры. Т. 1: Киевская Русь. М., 2000.
- Пивоварова 1991 — *Пивоварова Н. В.* Ктиторская тема в иконографической программе церкви Спаса на Нередице // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1991. Вып. 23. С. 68–75.
- Пивоварова 1999 — *Пивоварова Н. В.* Фрески церкви Спаса на Нередице в Новгороде: Иконографическая программа росписи. АКД. СПб., 1999.
- Поппэ 1996 — *Поппэ А.* Митрополиты и Князья Киевской Руси // *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237). СПб., 1996 (Приложение. С. 441–497).
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей: Т. 1: Лаврентьевская летопись. Л., 1926; Т. 2: Ипатьевская летопись. СПб., 1908; Т. 10: Патриаршая или Никоновская летопись. СПб., 1885.
- Соколова 1993 — *Соколова Л. В.* К характеристике «Слова» Даниила Заточника (Реконструкция и интерпретация первоначального текста) // ТОДРЛ. 1993. Т. 46. С. 229–255.
- Соловьев 1959 — *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1959. Кн. 1.
- Срезневский 1863 — *Срезневский И. И.* Надпись в Нередицкой церкви близ Новгорода до 1200 г. // Известия имп. рус. археологического общества. СПб., 1863. Т. 4. С. 201–205.
- Феннел 1989 — *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989.
- Флоря 1999 — *Флоря Б. Н.* К изучению церковного устава Всеволода // Россия в средние века и новое время. Сборник статей к 70-летию чл.-корр. РАН Л. В. Милова. М. 1999.
- Фроянов 1992 — *Фроянов И. Я.* Мятежный Новгород. СПб., 1992.
- Черепнин 1948 — *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М.; Л., 1948. Ч. 1.
- Щапов 1976 — Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подг. Я. Н. Щапов. М., 1976.
- Янин 1962 — *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962.
- Янин 1977 — *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977.
- Янин 1988 — *Янин В. Л.* Некрополь Новгородского Софийского собора. Церковная традиция и историческая критика. М., 1988.
- Янин 1991 — *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991.
- Янин, Гайдуков 1998 — *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 3: Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. М., 1998.
- Beumann 1967 — *Beumann H.* Grab und Thron Karls des Grossen zu Aachen // *Karl der Grosse: Lebenswerk und Nachleben*. Duesseldorf, 1967. Bd. 4. S. 8–39.
- Poppe 1989 — *Poppe A.* Words that Serve the Authority: On the Title of «Grand Prince» in Kievan Rus' // *Acta Poloniae Historica*. 1989. 60.